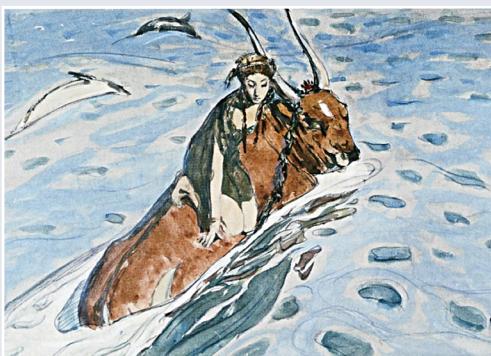

Б. Григорьев. Актеры в масках. 1920 г.

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский человек неординарный, во многом противоречивый, и когда речь заходит о нем, то среди коллекционеров, искусствоведов, «музейщиков» возникают разные мнения, часто противоположные. Но для меня это как-то второстепенно. Важнее то, что нас объединяет, что вызывает удивление, часто уважение к деятельности Никиты Дмитриевича. Вот, скажем, Владимир Башкиров, о котором князь знает многое и коллекцию живописи которого составлял сам Михаил Ларионов. Башкиров был близким родственником Юрия Сергеевича Торсуева, моего учителя по «коллекционерским играм», азартным и небезопасным при советском режиме. А о прежнем, дореволюционном, Торсуев рассказывал с подробностями из жизни судовладельцев, мукомолов и банкиров Башкировых. Вспоминал он при этом, как сидел на коленях у Ларионова во время его гостевания в Нижнем Новгороде. Или объединяющая нас с князем приверженность к яркой декоративной живописи, которую собирал и наш общий приятель Яков Евсеевич Рубинштейн, мой главный наставник, говоривший о своих пристрастиях с особым шармом: «Я ведь все же немного зудус».

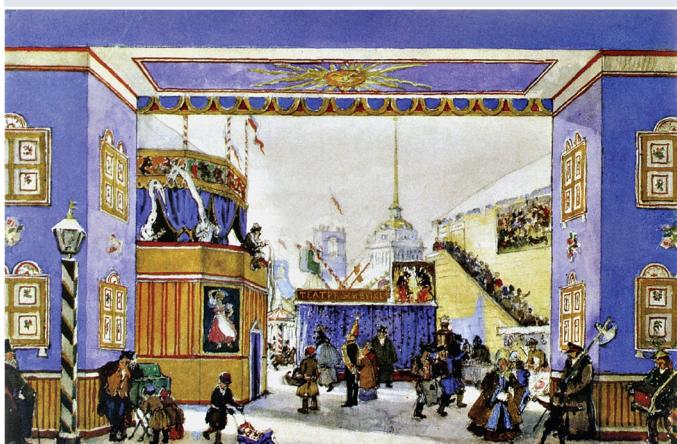
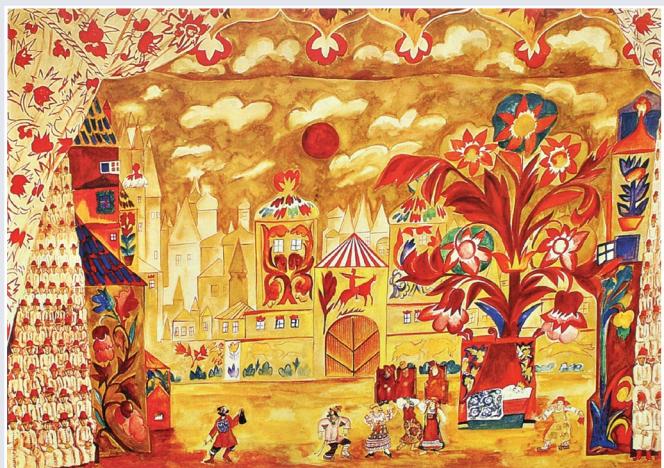
Кстати, у Рубинштейна мы с князем и познакомились в 1974 году. Уже тогда мои пристрастия определились — и так же, как и Никита Дмитриевич, я стал собирать искусство конца XIX и первых десятилетий XX века, правда, в основном станковое, не театральное. Вторую мою страсть к «шестидесятникам» и нонконформистам князь не разделял.

Впоследствии, когда я работал заведующим отдела частных коллекций в Советском фонде культуры, Лобанов

В. Серов.
Похищение
Европы. 1910 г.

Н. Гончарова.
Эскиз
декорации
к опере-
балету
«Золотой
петушок». 1914 г.

М. Ларионов.
Эскиз декорации
к балету «Полуночное
солнце». 1915 г.

А.Н. Бенуа. Эскиз
декораций к балету
«Петрушка».
«Петербургские
балаганы». 1947 г.

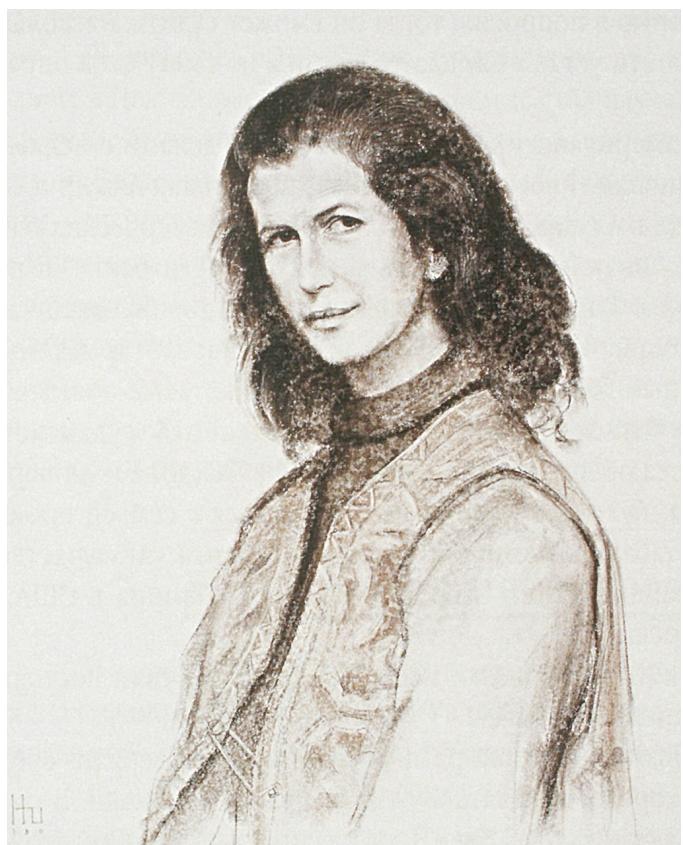

неоднократно меня поддерживал, отбивал от нападок «партийных» приспособленцев, частью пристроившихся к этой новой перестроечной организации.

С князем вынуждены были считаться, он был связан со спонсорами, аукционами, русской эмиграцией.

Никита Дмитриевич был и основным инициатором беспрецедентной выставки из частных коллекций «100 лет русского искусства», которую поддерживали Р.М. Горбачева, Г.В. Мясников и руководство компании De Birs. Выставка с небывалым успехом проходила более полугода в Лондоне, Оксфорде и Саутхемптоне, познакомив подданных Великобритании со всем великолепием русского искусства целого столетия – от Васнецова, Левитана, Коровина до Булатова, Немухина, Захарова. Потом, в послеперестроенное время, выставка стала всячески замалчиваться госмузеями: ну как же, какие-то высокочки, коллекционеры, осмелились подводить итоги столетия. Лобанов был главным тараном, пробивавшим равнодушие советских и английских чиновников. Благодаря его рекомендации алмазно-бриллиантовая фирма De Birs организовала во время работы выставки поездку 35 коллекционеров из России, к которым «хвостами» пристегивались и функционеры Фонда. Острый язык князя их не жаловал.

К двум с лишним миллионам долларов, ушедших на организацию выставки, добавилась миллионная субсидия на издание журнала «Наше наследие» – с тех пор он благополучно и существует, и это тоже отчасти заслуга Лобанова. После великолепной выставки своего собрания в ГМИИ им. А.С. Пушкина, а затем в ленинградском Манеже в 1988 году с прекрасно изданным каталогом князь былдержан показом в «родных пенатах» и за рубежом лика

Р. Хачатрян. Портрет Нины Лобановой-Ростовской.
Москва. 1985 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина.

Л. Бакст. Эскиз костюма Синей султанши. «Шехерезада». 1910 г.

Б. Татлин. Эскиз костюма крестьянской девушки к опере «Жизнь за царя». 1913 г.

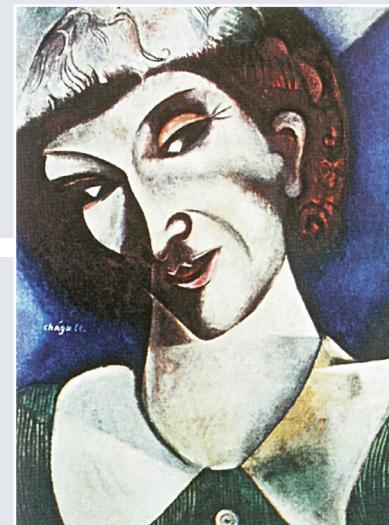

А. Экстер. Эскиз костюма вакханки к спектаклю «Фамира-Кифаред». 1916 г.

Б. Кустодиев. Афиша выставки русского искусства. Нью-Йорк. 1924 г.

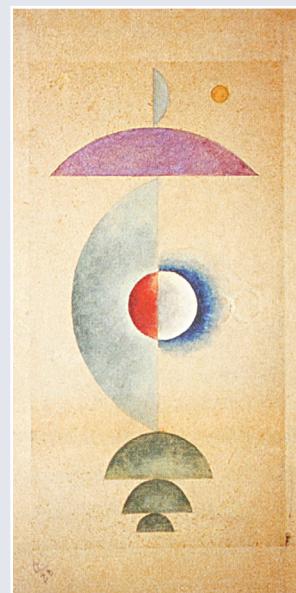
Н. Гончарова. Эскиз задника к финалу «Жар-птицы» И. Стравинского. 1926 г.

М. Шагал. Автопортрет. 1913 г.

З. Серебрякова. Портрет Александра Бенуа. 1955 г.

В. Кандинский. Звуковые гармонии к «Картинкам с выставки» М. Мусоргского. Дессау. 1928 г.

России, как он говорил, «исполненной цвета, радости, тепла и гуманизма».

Благодаря ему отечественные искусствоведы, музейщики, зрители узнали о творчестве вынесенных российскими ветрами Андреенко, Аниофельда, Бушена, Калмакова, Ларионова, Ремизова, Сюрважа, Челищева — да разве всех перечесть! А сколько работ блистательных реформаторов театра, привлеченных и работавших в антрепризе Дягилева, представила на суд зрителя коллекция Лобанова-Ростовского, тем самым как бы подтверждая основную мысль Федора Михайловича Достоевского, разделяемую Дягилевым: «У нас, русских, две родины: наша Русь и Европа».

Отсюда возникла у князя и идея показа своей коллекции в Российской Федерации, чему мешали бесконечно возникающие дрязги и сложности, сопровождающие это нужное для всех нас и благородное дело. Это способствовало созданию на берегу реки Москвы в игрушечной крепости дома-музея Лобановых-Ростовских. Из тех же патриотических мыслей проистекает и забота о создании центров российского искусства за рубежом, в разных странах Запада и Востока. Отсюда берут начало идеи создания национальной портретной галереи, наподобие находящейся в Лондоне.

Да и многие соображения князя по выдвижению отечественного искусства, внедрению его на мировой художественный рынок, аналитические статьи верных и неверных действий западных галеристов и российских бюрократов объяснимы этой любовью к России, которую мы потеряли и только начинаем робко отыскивать. Говорят, в его действиях есть корыстный интерес — что же тут такого, он ведь финансист и коллекционер, а коллекций без денег не бывает.

Но главная профессия князя есть и будет коллекционирование. Здесь он во всеоружии: знание всех тонких приемов сыска желанного предмета, обольщение его владельца, часто капризного и случайного, скрупулезное фиксирование

Н. Гончарова.
Восьмиглазый херувим.
«Литургия».
1915 г.

П. Челищев. Эскиз
костюма танцовщика,
балет труппы В.П.
Зимина. Стамбул. 1920 г.

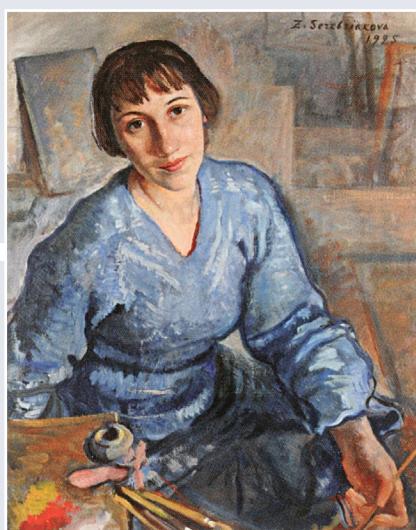
Л. Бакст. Эскиз костюма
сирийского арфиста.
«Клеопатра». 1910 г.

А. Бенуа.
Эскиз костюма
Петрушки. 1916 г.

К. Сомов.
Эскиз костюма
Т.П. Красавиной. 1924 г.

З. Серебрякова.
Автопортрет
с палитурой.
Париж. 1925 г.

происхождения вожделенного будущего экспоната его коллекции, реставрация, обрамление, учет и хранение, продвижение на выставки и ожидание желаемой оценки — предмет уже из всемирно известного собрания Лобанова-Ростовского, где есть Бакст и Малевич, Шагал и Пикассо.

С 1965 года работы из собрания Никиты Дмитриевича постоянно экспонируются на выставках театрального искусства в крупнейших музеях разных континентов. Подлинный знаток, Лобанов консультировал частных коллекционеров, музеи, аукционные дома, курировал и корпоративные собрания. Коллекция, собранная им и его женой Ниной, не имеет аналогов в частном собирательстве. Она включает свыше тысячи работ 139 русских художников, 80 из них представлены портретами и автопортретами. Ни к одному из собранных им мастеров князь неравнодушен, со многими его связали и личные встречи — ведь за почти полвека собирательства с кем только ему не доводилось встречаться.

Собирая театральное искусство России, князь всегда оценивал его как высшую форму работы художников, равноценную станковому искусству. И как бы жестко ни поворачивалась к нему жизнь, и как бы сам он ни пытался ее «объегорить», своей коллекцией он хотел сказать всему миру: «Вот она — настоящая Россия. Посмотрите, как она прекрасна», — и в этом его высшая миссия, отвергающая всякие возникающие опасения о якобы агрессивности и антидемократичности нашей страны. В этом я вижу и высший смысл деятельности коллекционера Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

После долгих лет переговоров основная часть коллекции Никиты и Нины Лобановых-Ростовских была приобретена государством и в настоящее время находится в экспозиции Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства.

Валерий ДУДАКОВ

М. Ларионов. Эскиз
костюма танцовщицы
в движении. 1915 г.